

В тот период героиня была еще жива и занимала высокое положение Богини Цветов. Она ведала всеми цветами и растениями в мире, и неважно, были они прекрасны или безобразны — все они находились в ее ведении.

Бог Войны Сы Юэ же то и дело отправлялся в походы, противостоя Миру Демонов, не позволяя врагам нарушить границы между двумя мирами. Неудивительно, что Вэнь Шань редко видел его в резиденции. Каждый раз, когда он пытался найти Сы Юэ, тот либо работал в кабинете, либо был занят в военном лагере. В любом случае, Сы Юэ почти не бывал на людях.

Вэнь Шань начал терять терпение. Особенно после того, как узнал, что Сы Юэ потратил большую часть своей бессмертной силы, чтобы помочь ему раньше времени принять человеческий облик. Хотя сам Сы Юэ об этом не распространялся, слуги в резиденции прекрасно знали правду. Однажды, прогуливаясь по саду, Вэнь Шань случайно услышал их разговор.

— Хозяин снова потратил свою силу ради кого-то другого! Ну как же можно так не беречь себя!

— И не говори! У хозяина такой мягкий характер, как он мог отказать? А эта травка — просто бессовестная! То, что сам Бог Войны принес его в Мир Богов, уже величайшая милость, а он еще и осмелился просить о принятии человеческого облика!

— И правда, мерзкий тип, — добавил другой слуга. — Но раз уж хозяин притащил его сюда, придется присматривать. Давайте-ка с завтрашнего дня заставим его работать.

— Он ведь по происхождению трава, низкий и ничтожный. Пусть лучше подметает задний сад.

— Отличная мысль, так и сделаем.

Юноша, прятаясь за искусственной скалой, молча слушал их голоса. Его губы непроизвольно дрогнули. Он... низкий и ничтожный... Вэнь Шань опустил глаза, чувствуя горечь. Он действительно был никем. Для такого великого небожителя, как Сы Юэ, он был лишь травинкой, подобранной у обочины. Сы Юэ даже не знал его имени, называя просто Травушкой. Столь нежный, но в то же время такой безразличный.

В конце концов, он без возражений принял порученную ему работу. Слуги были довольны его покорностью и больше не докучали, лишь изредка поглядывая, как он справляется. Видя, что он усердно трудится, они ослабили бдительность.

Вэнь Шань, сжимая метлу, поднял взгляд к небу. На земле лежали серо-бурые опавшие листья, сбиваясь в небольшие холмики. Он подметал, напевая какой-то бессвязный мотив и время от времени здороваясь с Цзы-цзы, обитавшей в галерее глициний. День за днем монотонная работа даже начала приносить ему своего рода утешение в страданиях.

— Ты странный, — сказала Цзы-цзы. — Я никогда не видела такой травы, как ты.

Вэнь Шань широко улыбнулся:

— Конечно, ведь я единственный в своем роде.

В мире нет двух одинаковых людей, и, конечно, не может быть двух одинаковых трав. Даже будучи травой, он хотел быть особенным! Цзы-цзы на мгновение замолчала, а затем тихо рассмеялась.

— Ты действительно странный.

Она сказала это уже во второй раз. Она видела Вэнь Шаня в саду каждый день. Всего за несколько дней он прошел путь от тревоги и беспокойства до полного спокойствия. Постепенно он начал находить радость в мелочах, иногда наступая на листья и с улыбкой наблюдая за ними. Его улыбка была тихой и нежной, словно самый прекрасный цвет на свете. Однако Цзы-цзы знала: в истинном облике он всего лишь ярко-зеленая травинка.

— Вэнь Шань, — внезапно спросила Цзы-цзы, — если я приму человеческий облик, как думаешь, какой я буду?

Вэнь Шань замер. Он явно не ожидал такого вопроса. Подумав немного, он поднял голову, глядя на длинную галерею глициний, на этот бескрайний фиолетовый цвет, от которого захватывало дух. Юноша честно ответил:

— Наверное, красивой.

— А что в твоём понимании красиво?

Вэнь Шань замолчал. Он вспомнил Сы Юэ. Тонкие, как нефрит, пальцы, изящная фигура, прямая и статная, словно бамбук, глаза, наполненные нежной морской синевой, и мягкие розоватые губы, от которых веяло бесконечной теплотой. Это было подобно бедствию, подобно року. В одно мгновение это разрушило всю его холодную броню, которую он так долго выстраивал. В глазах юноши застыл легкий туман, он выглядел растерянным.

— Наверное... как хозяин Сы Юэ.

Цзы-цзы долго молчала. Она видела всю эту растерянность в глазах юноши, и на душе у нее стало странно. Было немного горько, немного смешно — то ли насмехаясь над собственной наивностью, то ли над несбыточными мечтами Вэнь Шаня.

— Хозяин обладает божественной красотой, с ним никто не сравнится. Вэнь Шань, ты такой глупый. Ты говоришь очевидные глупости.

Вэнь Шань, неожиданно получив отпор, пришел в себя и сконфуженно сжал метлу, скрывая смятение в глазах.

— Я... я просто сказал. К тому же, хозяин и правда красив!

— Глупыш, я и без тебя это знаю, — ответила Цзы-цзы. — Кстати, через несколько дней я приму человеческий облик. Придешь посмотреть?

Юноша приоткрыл рот от изумления:

— Так скоро?

Он помнил, как Цзы-цзы говорила, что совершенствуется всего триста лет. По меркам Мира Богов это был выдающийся талант, и Вэнь Шань думал, что ей потребуется еще несколько лет. За это время он, возможно, уже исчез бы из этого мира. Юноша был искренне удивлен. Его глаза были большими и круглыми, а уголки слегка приподняты, как острые края травинки. Его человеческий облик не был самым красивым в Море Богов, но он был самым юным во всей резиденции.

Цзы-цзы хихикнула:

— Конечно, а ты думал, я как ты?

Вэнь Шань:

— ...Никто не примет тебя за немую, если ты промолчишь!

Цзы-цзы еще немного подразнила его, а затем проводила взглядом удаляющегося юношу. Длинная галерея глициний опустела, лишь фиолетовые лепестки тихо шелестели на ветру, словно напевая странную песню.

— И глупый, и послушный, — прошептала Цзы-цзы. Глицинии задрожали, и она тихо рассмеялась. Как же этот малыш может быть таким милым?

Цзы-цзы тяжело вздохнула. Этот вздох улетел далеко-далеко, словно легкий ветерок, коснувшись висков юноши и вызвав легкое покалывание. Вэнь Шань обернулся, глядя на пустую галерею, и недоуменно наклонил голову. Он не стал задерживаться и направился к себе. В этом Море Богов единственным его другом была Цзы-цзы, а остальные слуги относились к нему с предубеждением и редко заговаривали. Они игнорировали его, а он не собирался навязываться. Раз уж они не чинили ему препятствий, жизнь была вполне сносной. Единственным минусом было одиночество.

Вздохнув, Вэнь Шань только отошел от галереи, как увидел Сы Юэ, идущего в сторону резиденции в сопровождении какой-то женщины. Он замер, а затем неосознанно пошел следом. Женщина была невероятно красива. Подобно роскошному пиону, ее облик дышал

благородством: изящные брови, глаза-фениксы, губы, словно нежные весенние цветы. В ее взгляде плескалась весенняя вода, а от нее исходил тонкий, едва уловимый аромат. Этот запах был нерезким, но невероятно притягательным.

Вэнь Шань тайком следовал за ними, наблюдая, как мужчина и женщина о чем-то беседуют. Улыбка Сы Юэ была такой теплой, словно мягкая вода, разливающаяся по сердцу. Столь нежной... Нет, даже нежнее, чем когда он смотрел на него.

Вэнь Шань застыл за каменной колонной, глядя, как они входят в кабинет, и почувствовал острую боль в груди. Он неосознанно сжал пальцы, и из глаз невольно покатились слезы, падая каплями на серую одежду слуги, оставляя темные пятна.

Это была она. Богиня Цветов, первая красавица Мира Богов, Хуа Сюэцин. Она появилась. Еще до своей гибели она встретила с главным героем.

Он пошатнулся и сделал шаг назад, прикусив губу, чтобы стереть слезы. Он ведь подготовился, решил отказаться от попыток быть с ним, но... увидев их вместе, он не смог сдержать ревность. Да, он ревновал. Ревность была такой сильной, что ему хотелось броситься вперед и разлучить их, но разум подавил это безумие. Он ясно осознавал: между ним и Сы Юэ лежит непреодолимая река. Воды забвения — их нельзя переплыть, нельзя перейти, можно лишь стоять на берегу и смотреть, как он уходит с другой.

Боль стала невыносимой. Прижимая руку к груди, он, спотыкаясь, вернулся в свою комнату. В суматохе он задел деревянный табурет, опрокинул чашку, а его ладонь прилась прямо на осколки. Порез начал кровоточить, и по комнате разлился тонкий аромат его крови, похожей на нефрит. Боль привела его в чувство. Он лежал на полу, глядя на свою руку, и в его глазах читалась растерянность.словно брошенный щенок, он скулил, в одиночестве зализывая свои раны.

— Неудивительно... — прошептал юноша. В его глазах была бездонная пустота, лишенная света. — Она такая красивая...

Даже он сам был очарован ею, что уж говорить о главном герое? Но почему... почему сердце так болит? Он чувствовал себя так, словно попал в ледяную пещеру, а его онемевшее сердце пронзило холодным клинком. Как же больно. Значит, вот что такое безответная любовь? Как же это паршиво.

Он горько усмехнулся, поднялся с пола и принялся убирать осколки. Он приводил комнату в порядок, стараясь стать трудолюбивой пчелкой, чтобы занять свои мысли работой. Он усердно убирал, и уже через полчаса комната сияла чистотой. Он боялся остановиться, ведь тогда перед глазами снова встанет картина Сы Юэ и Хуа Сюэцин. Золотая пара, идеально подходящие друг другу.

Он опустил глаза, сжимая тряпку так, что побелели костяшки пальцев.

— Травушка.

Ему послышался чей-то голос. Вэнь Шань замер. Он был словно в тумане, его взгляд был полон боли. Сы Юэ сделал шаг вперед, глядя на занятого юношу, и тихо вздохнул. Казалось, он не замечал его, продолжая вытирать пыль. Сы Юэ нахмурился, заметив на ладони юноши засохшие зеленые пятна крови, и схватил его за запястье.

— Безумие! Ранился, а отдыхать не хочешь!? — возмущенно воскликнул он.

Вэнь Шань вздрогнул, услышав знакомый голос. Он остановился, поднял глаза на мужчину, и туман в его сознании начал рассеиваться.

— Сы Юэ? — неуверенно спросил он.

Сы Юэ помолчал секунду, а затем ответил. Он был удивлен таким обращением, но не стал заострять внимание. Он забрал у юноши тряпку, отвел его в комнату и усадил на кровать. Сы Юэ невольно сжал его плечо и был поражен тем, каким оно было хрупким. Он нахмурился, ощущая что-то вроде жалости. Сы Юэ погладил мягкие волосы юноши и, достав лекарство, протянул ему:

— Намажь, ты поранился.

Вэнь Шань смотрел на нефритовый флакон в руках мужчины, и его сердце забилось чаще, а затем захлестнула горечь ревности. И гнев. Раз уж у тебя есть героиня, зачем ты приходишь ко мне!?

Пальцы юноши задрожали, гнев вырвался наружу:

— Уходи! — он оттолкнул Сы Юэ, дрожа от ярости. — Уходи! Ты мне больше не нравишься! Убирайся!

Сы Юэ опешил. Он не ожидал такого отпора. Он долго смотрел на юношу: на его глаза, губы, худое тело. Юноша был невысок, его облик оставался мальчишеским, он не мог сравниться с красавицами Мира Богов, но сейчас в его гневе проступила дикая, необузданная сила. Словно леопард, выпустивший когти, он защищался от любого приближения.

Сы Юэ перевел взгляд на его ладонь, где красовались глубокие порезы, из которых сочилась зеленая кровь. Он сжал флакон:

— Твоя рука ранена, Травушка, намажь...

Вэнь Шань не хотел говорить. Он толкал Сы Юэ, не заботясь о боли, и, наконец, вытолкнул его за дверь, с грохотом захлопнув ее.

— Уходи! Я не хочу твоего лекарства! И не нужно мне указывать!

Мне плевать, кому ты даришь свою нежность.

— Отдай это лекарство кому-нибудь другому! — крикнул он.

Мужчина за дверью выглядел растерянным:

— Травушка, ты злишься? Кто тебя расстроил? — Его голос звучал мягко, но для юноши это было словно нож в сердце.

Вэнь Шань сполз по двери на пол, чувствуя себя обиженным. Он хотел сказать: не будь таким добрым ко мне, я того не стою. Он хотел сказать: не приходи больше, я решил тебя забыть. Но слова застряли в горле. Юноша обхватил колени руками, пряча лицо, и беззвучно плакал.

Он молчал, но его горе просачивалось сквозь щели в двери, заставляя мужчину снаружи теряться в догадках.

— Травушка, кто тебя обидел? Скажи мне, я разберусь с ним, хорошо?

Но юноша молчал, лишь из-за двери доносились подавленные всхлипы. Сы Юэ нахмурился, используя свое божественное чутье, и увидел юношу, свернувшегося калачиком, словно раненый зверек.

Сы Юэ поднял руку, чтобы постучать, но замер. Его взгляд упал на лицо юноши: красные глаза, бледная кожа, яркие губы, пыль на щеках и растрепанные волосы. Эта красота в отчаянии, словно ураган, ворвалась в его сердце, открывая ворота, которые он так тщательно охранял.

Сы Юэ вздрогнул, сжал пальцы и опустил руку. Он тяжело вздохнул:

— Тогда... отдыхай. Я оставлю лекарство здесь. Если будет возможность, возьми его.

Вэнь Шань не ответил. Сы Юэ еще немного постоял у двери, а затем ушел, оставив на земле флаконы с лекарством.

Мужчина вернулся в кабинет. Там, среди рядов бамбуковых свитков, он сел за стол. В курильнице курился аромат, перебивая запах цветов. Сы Юэ смотрел на свитки, его пальцы нервно сжимали их края.

— Как смешно, — прошептал голос в его голове. — Ты, такой мудрый, влюбился в мальчишку. Это же позор.

Брови Сы Юэ сошлись на переносице. Его голос стал холодным:

— Замолчи.

— Разве я не прав? — продолжал голос. — Жаль, ты отверг первую красавицу Мира Богов ради полевой травы... Ха-ха, как смешно!

— Закрой рот!

— А если я не хочу? Мы с тобой одно целое, я чувствую все, что чувствуешь ты. Ты влюбился, почему боишься признаться?

Сы Юэ вздрогнул. Голос продолжал:

— Все говорят, что ты, великий генерал, нежен и благороден, идеал для многих богинь, но никто не знает, что ты все это время притворялся! Сы Юэ! Ты — фальшивка!

Пальцы мужчины задрожали.

— Замолчи! — вскричал он.

— Ты — фальшивка!

Голос продолжал смеяться, словно тысячи голосов обвиняли его, поглощая его разум. Лицо мужчины исказилось. Он смахнул все со стола и, вцепившись в столешницу, прорычал:

— Убирайся!

<http://bllate.org/book/21526/2210378>